

Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы*

А. В. Худайкулова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Для цитирования: Худайкулова А. В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 394–417. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.307>

Доминирующие западные теории безопасности сконцентрированы главным образом на изучении западного опыта и моделей, с минимальными попытками проанализировать постколониальные реалии безопасности глобального Юга, которые при этом неизбежно влияют на степень остроты общей повестки в сфере безопасности. Преобладающая часть современных конфликтов (за редким исключением) происходит именно в странах глобального Юга. В силу целого набора факторов и причин западные и незападные подходы к безопасности отличаются расширенным (комплексным) пониманием безопасности, однако в каждом случае акценты расставлены по-разному. Различные прочтения безопасности создают конфликт восприятия и, по мнению многих теоретиков незападного мира, свидетельствуют о попытках Запада в некотором роде инициировать новую колонизацию. При этом ни западное понимание, ни альтернативные критические теории безопасности незападного мира не могут претендовать на универсальный характер. В статье описывается динамика теоретических подходов к рассмотрению безопасности, преимущественно в контексте доминирующей западной школы МО, демонстрируется и объясняется маргинальность проблематики безопасности не-Запада, приводится обзор ключевых проблем и угроз безопасности для развивающегося мира. Кроме того, анализируются относительно новые западные концепты безопасности (гуманитарной интервенции, безопасности личности, ответственности по защите), которые вызывают резкое противодействие со стороны всего развивающегося мира и воспринимаются незападными обществами в качестве прямой угрозы. Слабость «постколониальных» государств, их очевидная неспособность справиться с внутренними проблемами развития и беспорядками и обеспечить безопасность населения в собственных границах приводят к тому, что они становятся объектом политического воздействия. Вместе с тем Запад и не-Запад, осознавая неделимость современных угроз, прикладывая усилия, чтобы говорить на одном политическом языке безопасности. Однако мирорегулирование исключительно «по западным правилам» вызывает отторжение в развивающемся мире, особенно со стороны возвышающихся держав. Учитывая вес и значимость «всего остального человечества», в подобных условиях трудно надеяться на рациональный диалог по глобальным проблемам, если дискурс, интересы и амбиции двух полюсов слишком разнятся.

Ключевые слова: международная безопасность, Запад, глобальный Юг, реализм, либерализм, конструктивизм, неомарксизм, угрозы безопасности, конфликты, развитие,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

миропорядок, секьюритизация, безопасность личности, связка «безопасность–развитие», критические теории, постколониализм.

Введение

Длительное время политика безопасности, ориентированная преимущественно на интересы великих держав, не учитывала должным образом потребности, задачи и форматы концептуализации безопасности незападного мира. Исторически страны глобального Юга отсутствовали в академических и концептуальных дебатах по вопросам международной безопасности в силу той роли, которая им отводилась в мирополитической практике. Второстепенное положение Юга в глобальной политике формировалось во многом как следствие колониального опыта, что, в свою очередь, напрямую влияло на безопасность. Выполняя роль пешек в соперничестве супердержав, страны третьего мира оказались незаслуженно исключенными из мейнстрима исследований международной безопасности.

Вслед за распадом биполярной системы в структуре международной безопасности произошли качественные сдвиги как с точки зрения расстановки и веса ключевых сил, так и в вопросах формирования новой повестки дня. С одной стороны, развивающийся мир поступательно наращивает свое экономическое и политическое могущество, что позволяет в некотором роде говорить о формировании новой формы баланса сил — так называемой мягкой биполярности на фоне смещения центра тяжести с Запада и «возвышения всего остального человечества» (*the rise of the rest*) [1, p. 2]. Асимметрия по многим показателям между мировыми лидерами и крупными развивающимися державами незападного мира постепенно снижается. Экономический рост последних (традиционно включающих как крупные, так и средние государства) спровоцировал сдвиг материальных возможностей между развитыми странами и «восходящими» державами. Это, в свою очередь, стимулирует подъем последних по многим другим направлениям и придает им весомый статус в системе координат, определяющих глобальные правила игры. В частности, ряд экспертов смело описывает данную тенденцию в терминах *восстания периферии* или *восстания меньшинств* (см., напр.: [2; 3]). Однако, с другой стороны, в постбиполярный период эпицентр острейших проблем безопасности в виде региональных конфликтов полностью сместился на территорию развивающихся стран, что во многом определило новый контекст исследований в сфере безопасности и особое внимание к проблемам Юга. Новые проблемы безопасности обострялись на фоне общего противостояния Запада и не-Запада, в котором продвижение западных либеральных ценностей, в том числе путем прямого силового принуждения либо косвенной гегемонии, встречало не менее решительное сопротивление развивающегося мира. США с опорой на подавляющее военное преимущество инициировали военное вмешательство в Ираке, Латинской Америке, Сербии, Афганистане, Ливии, навязывая одновременно собственное прочтение прав человека, демократии и развития.

В самом общем виде теоретические изыскания по вопросам безопасности глобального Юга можно свести к следующим вопросам: каким образом понятие безопасности в контексте проблематики третьего мира отличается от традиционного прочтения в духе западного мейнстрима? Какова взаимосвязь между без-

опасностью и развитием? Насколько остро развивающийся мир воспринимает концепции, находящиеся в периметре новой повестки дня в области безопасности — «безопасности личности», «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите»?

Глобальный Юг и безопасность: новые акценты

Категории «глобальный Юг» и «безопасность» характеризуются комплексным содержанием, собирательным смыслом и изменением контента в соответствии с подвижками международной системы.

Понятие «глобальный Юг»: специфика собирательной трактовки

Используемый ныне термин — глобальный Юг — для описания большей части развивающегося мира неоднократно трансформировался. Самые большие подвижки произошли на фоне деколонизации и распада биполярности. В этот период в обиходе был термин «третий мир», который довольно условно описывал слабо-развитые страны Азии, Африки, Океании и Латинской Америки со схожими характеристиками: бедность, высокие темпы рождаемости, непреодолимая экономическая отсталость и зависимость от развитых стран. Однако в силу исторических изменений понятийный аппарат стал иным. Вместе с окончанием холодной войны и биполярности распался «второй мир» (коммунистический Восток), на смену которому пришли государства переходного типа, в том числе крупные «возвышающиеся» державы; Запад отчасти интегрировал в себя части второго и третьего миров. Невошедшую часть третьего мира (в определенной степени бывший «четвертый мир») принято обозначать как глобальный Юг, который включает в себя самые бедные, нестабильные и проблемные страны Африки, Азии и Латинской Америки. Словосочетание «менее развитые страны» сменило другое — «наименее развитые», к которым причисляют «несостоявшиеся» государства [4, p. 3].

Альтернативный взгляд на определение типов государств предложил британский дипломат Р. Купер [5] — через использование категорий постмодерна, модерна и премодерна. Так, мир постмодерна наилучшим образом представлен на примере Европейского союза, где священные для реализма принципы суверенитета и исключительности национальных интересов утратили абсолютное значение, а безопасность не ассоциируется с агрессивной политикой завоеваний. Мир модерна по-прежнему придерживается традиционных взглядов на межгосударственную систему, строится на территориальной целостности и суверенитете, исходит из дилеммы безопасности и баланса сил. Традиционные «современные» государства следуют по стопам реализма в русле *raison d'état*. В орбиту модерна попадают государства Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы. Мир премодерна традиционно исходит из гоббсовского понимания «войны всех против всех» и состоит из стран и регионов, находящихся на периферии международной системы и крайне уязвимых в вопросах обеспечения собственной безопасности. Колониальное прошлое, искусственные границы, обеспокоенность сохранением собственного режима и многие другие факторы влияют на регионализацию конфликтов. К условно «до-

современным» («невестфальским» или «квазигосударствам») относится большинство государств Юга, которые по многим параметрам не соответствуют критериям Вестфальской системы. Речь идет о многих государствах Африки (таких как Судан, Мали, Сомали, Конго, Либерия, Сьерра-Леоне), некоторых странах Азии (Афганистан, Таджикистан), Америки (Гаити) и Европы (Албания). В 1996 г. К.Холсти ввел в понятийный оборот термин «слабое государство» (weak state) [6, p. 141], который позднее был трансформирован в «несостоявшееся / неудавшееся государство» (failed state) и «не-государство» (non-state).

В целом использовавшееся в прошлом понятие «третий мир», а ныне «глобальный Юг» отличает собирательный характер: оно включает разные государства — бывшие колонии, Движение неприсоединения, наименее развитые страны по оси разрыва «богатый Север — бедный Юг». Однако всем входящим в данную категорию государствам в той или иной степени присущ одинаковый набор характеристик: 1) отсутствие внутренней сплоченности и слабая динамика развития в силу экономических и социальных диспропорций, а также этнических, религиозных и региональных разногласий; 2) отсутствие безусловной легитимности и поддержки населения в отношении границ, государственной власти и правящей элиты; 3) диспропорциональность и зависимость экономического развития; 4) наличие внутренних и межгосударственных конфликтов; 5) возможности для «проникновения» и влияния внешних акторов на динамику внутренних процессов; 6) маргинализация в международной системе.

Подходы и методология анализа безопасности

Сложный характер и новое качество конфликтов, протекающих главным образом на территории глобального Юга, обозначили проблему релевантности использования западных теорий безопасности для понимания закономерностей и причин насилия в незападном мире.

Академические подходы к анализу проблематики безопасности со стороны традиционных западных теорий и теорий незападного мира по-прежнему носят сугубо индивидуальный непересекающийся характер. Глобальный Юг исторически отсутствовал в западных исследованиях международной безопасности (security studies), которые были сфокусированы главным образом на собственных подходах к пониманию и обеспечению безопасности. Во времена холодной войны изучение безопасности не коррелировало вплотную с проблематикой третьего мира. Более того, эти вопросы были фактически исключены из мейнстрима исследований, которые по окончании Второй мировой войны носили в большей степени евроцентристский характер. Что, впрочем, не удивительно, так как международные отношения с момента своего возникновения в 1919 г. в качестве самостоятельной академической дисциплины рассматривались преимущественно с позиций евроцентризма и всецело фокусировались на западной проблематике, проявляя недостаточно интереса к повестке глобального Юга и игнорируя его эпистимологическую позицию и интеллектуальный вклад в развитие дисциплины. В этом смысле динамика развития международных отношений в русле влияния Запада может быть описана лозунгом Р.Кокса: «Теория всегда служит для кого-то и с какой-то целью» [7, p. 128].

Большая часть исследований в области безопасности проводилась в плоскости конкуренции супердержав за власть и влияние в стратегически важных для них регионах третьего мира. Весомая доля государств Африки, Азии, Латинской Америки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона была вовлечена в глобальную борьбу в силу своей стратегической, экономической и геополитической привлекательности для сверхдержав. Со стороны западного академического сообщества внимание к вопросам региональной стабильности / нестабильности уделялось ровно в той мере, в какой данные сюжеты могли повлиять на взаимоотношения супердержав. Соответственно, безопасность этих государств и регионов анализировалась в основном через призму блоковых интересов (см., напр.: [8–10]). Тем не менее были сделаны отдельные попытки проанализировать взаимодействие стран третьего мира с международной системой (см., напр.: [11–14]), в частности через изучение институционального уровня и режимов развивающихся государств (см., напр.: [15; 16]).

В настоящее время исследования международной безопасности по-прежнему сконцентрированы вокруг политики великих держав, однако Юг как консолидированный актор занимает более значимое и вместе с тем двойственное положение в академических дебатах в области безопасности. Новые реалии 1990-х годов, по сути, не изменили отношения к Югу, который воспринимался как отстающий в развитии, небезопасный и представляющий угрозу глобальным капиталистическим интересам и западным ценностям в целом. Так, в своей концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон призывал к сохранению и защите западной модели либеральной демократии, неолиберальной экономической системы и западных ценностей от пагубного влияния со стороны враждебных культур, религий и концепций [17, р. 48]. Подобные упрощения, а зачастую и искажения реальной политической действительности впоследствии сформировали благодатную почву для концептуального оформления политики интервенционизма с использованием идеалов демократии и либерализма по исправлению кризисных ситуаций в странах не-Запада. При этом кризисы в области безопасности, хотя и другого характера, стали вызовом и для самого западного сообщества, которое столкнулось с угрозами терроризма, неконтролируемой миграции, массовыми общественными протестами, экономическими потрясениями, кибервойнами и пр. В описании М. Калдор эти «новые войны» стали показателем слабого уровня форматирования глобальной безопасности в постбиполярную эпоху [18, с. 380–382].

Мозговые центры активно взялись за составление баз данных конфликтов, потоков беженцев и перемещенных лиц, миротворческих операций в Африке, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке (см., напр.: [19; 20]). Особый фокус внимания был направлен на анализ вопросов внутренней безопасности на фоне непрекращающихся межэтнических конфликтов и гражданских войн (см., напр.: [21; 22]).

Сфера безопасности была и остается полем концептуальных несовпадений и политических разногласий, которые во многом производны от особого исторического опыта, особенностей культуры и мировидения третьего мира. Эти факторы, влияющие на политическое сознание, не учитываются в доминирующем западном дискурсе, который основан на онтологических положениях, исключающих опору на исторический и социологический опыт незападного мира [23, р. 1].

Политические, социально-экономические и культурные трансформации в незападных государствах и достаточно длительный период их «подчиненного» положения во многом были предопределены сложным наследством в виде колониального прошлого. Колонии использовались в качестве источников сырья и дешевой рабочей силы. Несмотря на то что они формировались по образу колонизаторов, это были общества другого типа, где многие классические категории, такие как политика, общество, права, приобретали принципиально иной смысловой контент. Еще одним немаловажным фактором влияния на состояние безопасности во многих странах незападного мира стали турбулентные процессы национально-государственного строительства, сопровождаемые межэтническими противоречиями, государственными переворотами, подавлением оппозиции, «переделом» границ.

Анализ повестки дня безопасности третьего мира демонстрирует отсутствие всеобъемлющих теорий, а также литературы, освещающих вопросы безопасности этих стран, за исключением тех, которые основаны на достаточно узких интерпретациях и сюжетах. Хотя появление нового исследовательского направления с фокусом анализа именно на проблематику безопасности в третьем мире (Third World Security Studies) (см., напр.: [14; 24–28]) уже сформировало собственное исследовательское поле с попыткой объединить разрозненные подходы в стройную теорию.

Эволюция теоретических подходов к рассмотрению безопасности

Вопросы безопасности традиционно занимают стержневое место в теории международных отношений. Господствующее понимание безопасности прочно ассоциируется с традицией политического реализма и его дальнейшими вариациями. Реализм развивался прежде всего как западная теория, в большей степени под влиянием американской школы, в условиях, которые априори были далеки от незападного мира. Исследования безопасности исходили из уже заданной реализмом картины мира, в которой единственные акторы — государства, а главные международные процессы — конфликты, взаимоотношения и соперничество великих держав. Международная система, соответственно, рассматривалась как арена борьбы за власть и могущество, где государства в условиях анархии вынуждены действовать по принципу «помоги себе сам». В этом контексте для продвижения собственных интересов и противодействия угрозам государства могут полагаться исключительно на военную мощь. Более слабые государства сопротивляются навязыванию гегемонии (контроля) со стороны могущественных соседей, в том числе через образование альянсов и союзнические отношения. Таким образом, традиционное понимание безопасности строится на неизменных постулатах в виде ориентации на внешние угрозы военного характера и доминирования блоковой стратегии. То есть, по сути, для любого государства основные угрозы безопасности исходят извне, носят исключительно военный характер и требуют ответных мер с целью защиты от внешнего нападения.

Политический реализм опирается на трактовку конфликтов в традиции Т. Гоббса [29], определяющего естественное состояние общества как «войну всех против всех». Однако подобный подход не совсем точно объясняет и соотносится с по-

ложением многих стран Юга, в которых условия для нарастания нестабильности и конфликтности вряд ли можно расценивать как естественное состояние. Скорее это следствие влияния комплекса факторов, в том числе внешних, среди которых — политика колониализма с ее нынешним наследием в виде произвольной демаркации границ, неравномерного развития и растущего неравенства, высокой степени разобщенности общества и коррупционности элиты, присвоения земель и природных ресурсов и пр. В постколониальный период данные тенденции обострились с учетом сложного переплетения интересов ведущих держав, крупных транснациональных акторов и местных элит.

Неореализм (структурный, оборонительный реализм) призывал к разделению внутренней и международной политики, а также делал ставку на возможность влияния международной системы на поведение государств, в том числе через их включенность в международные структуры и подчиненность общим нормам. Мировополитические реалии доказывают, что данная схема работает, но не в полном объеме. Идея глобального регулирования в большей степени относится к малым и более слабым государствам, часто подпадающим под действие международных санкций, которые вряд ли всецело применимы к ведущим мировым державам. Кроме того, оборонительный реализм в духе К. Уолтца отождествляет национальные интересы со стремлением государств к безопасности, которая рассматривается как относительная категория и основополагающий мотив государств, в то время как расширение экспансии противоречит исходному мотиву — выживанию [30, p. 119]. Стремление к безопасности и балансу сил проистекает не из внутренних потребностей государств, а из анархического характера международной системы. Вместе с тем К. Уолтц признает, что причиной анархических отношений могут служить внутригосударственные факторы, обусловленные объективными устремлениями элиты и населения, с последствиями в виде переворотов, многомиллионных потерь среди мирного населения, силового принуждения и пр. Если на внутригосударственном уровне правитель может использовать легитимную власть для применения силы, то на международном уровне институты, легитимизирующие эту возможность, отсутствуют, поэтому лидеры не могут поддерживать статус-кво без обеспечения безопасности [30, p. 103].

В понимании наступательного реализма Дж. Миршаймера [31, p. 33] государства озабочены не безопасностью, а собственным выживанием, что объясняется враждебностью международной системы, непредсказуемостью намерений государств, которые к тому же обладают угрожающим потенциалом. В данном контексте государства всегда будут стремиться к максимизации власти, наращиванию относительной мощи и проведению агрессивной политики, что особенно отличает поведение великих держав в их борьбе за статус единоличного гегемона. Однако достижение государством гегемонии не означает достижения статус-кво, так как гегемон не менее обеспокоен своей безопасностью, чем все остальные, к ней стремящиеся.

В духе западного мейнстрим-дискурса глобальная политика анализируется с позиций ведущих мировых держав. Слабые развивающиеся страны далеки от национальных государств в традиционном реалистском понимании (описываемых в терминах «бильярдных шаров»). Роль и значимость развивающегося мира не учитываются в силу его периферийного положения, что было продемонстрировано

идеологическим противостоянием холодной войны, либо страны Юга отождествляются с рисками угроз в отношении Запада и даже с осью зла, что наглядно демонстрирует внешнеполитическая стратегия США (например, стратегия смены режимов 2002 г.). Речь идет не о безопасности государств и национальных интересах, а скорее о безопасности режимов на фоне крайне высокой степени проницаемости границ, большая часть которых, как в африканских странах, имеет «искусственное» происхождение.

Либерализм, в отличие от реализма, в вопросах международной безопасности зиждется на идее коллективной безопасности. Если классический либерализм всецело опирается на внутреннюю политику государств и ее последствия, то для неолиберализма важно, каким образом международные институты и участие в них государств влияют на межгосударственные отношения и поведение государств, в том числе по линии ограничений [32, р. 762–763]. В этом смысле ООН позиционируется институционалистами как центральное звено глобального мирорегулирования, хотя она сильно ограничена внутренним дисбалансом — несовпадением интересов ведущих государств в рамках Совета Безопасности, критическим подходом США, отсутствием собственной армии и пр. Тем не менее развивающийся мир и главным образом восходящие державы достаточно четко формулируют свою позицию, в том числе через имеющийся ресурс — Генеральную Ассамблею ООН. Однако ключевое внимание неолибералов приковано к региональным и субрегиональным структурам как располагающим наибольшим потенциалом для реагирования на внутренние проблемы и угрозы государств. Неолиберальный институционализм фокусируется на том, как государства создают институты для поощрения сотрудничества и взаимной заинтересованности в выживании, что в определенной степени роднит его с конструктивизмом.

Однако, в отличие от позитивистских течений, конструктивизм сделал центральным сюжетом своего анализа влияние интересов, ценностей, идентичности и культуры на межгосударственную динамику (см., напр.: [33]). Поскольку идеи формируют мир, определяют поведение акторов и устанавливают предпочтения, они в равной степени относятся и к множеству аспектов понятия безопасности. Социальный мир для конструктивистов — это продукт человеческого сознания и познания, состоящий из разных видов коммуникативных идиом. Его отличает интересубъективный характер, где материальные объекты вторичны и приобретают значимость через идейный формат. Соответственно, вооружение и все, что относится к категории «жесткая сила» (hard power), становятся значимыми через их восприятие людьми соответствующим образом. Государства, безусловно, стремятся к безопасности, но сама концепция при этом не является фиксированной, так как формирование угроз строится с учетом множества факторов, включая историю, культуру, идеологию, интеракции и пр.

А. Вендт описывает три типа культур анархии: 1) гоббсианскую культуру, логика которой сводится к враждебности и конфликтам, порождающим дилемму безопасности, поскольку государства воспринимают друг друга как врагов и не признают ограничений (особенно по линии взаимодействия с «другим»); 2) локкианскую культуру, логика которой заключается в следовании принципу «живи и дай жить другим», т. е. государства-соперники признают право друг друга на существование, но при этом конфликты не исключаются; 3) кантианскую культуру,

логика которой характеризуется дружбой государств и афоризмом «живи в мире, но иди своим путем», т. е. создается ролевая модель друга и тем самым усиливается ролевая идентичность и, как следствие, расширяется пространство для решения конфликтов мирными средствами, сотрудничества и коллективной безопасности. В зависимости от доминирования типа культуры господствуют те или иные ролевые ожидания, которые влияют на поведение государств. А. Вентд описывает нынешний период как господство локкианской культуры, но не исключает постепенный переход к кантианской культуре, что требует усилий по формированию коллективной идентичности [34, р. 246–312]. Вплотную занимаясь тематикой социальной идентичности, стоит признать, что конструктивизм опирается на западную онтологию. Проблематика незападных обществ и в этом случае вынесена за границы стержневого анализа, как будто их идентичность строится по западной модели. Вместе с тем конструктивизм вышел за рамки анализа исключительно западных норм.

Однако важной отправной точкой в инициировании дискурса между западными и незападными учеными послужила коллективная монография под ред. Э. Адлера и М. Барнетта «Сообщества безопасности», в которой была сделана попытка предложить новое определение безопасности на основе чувства общности идентичности, ценностей и смыслов [35, р. 7]. Сообщество безопасности, основанное на прочной уверенности его членов в мирном развитии взаимоотношений, возможно только лишь на основе взаимного доверия и общей идентичности [35, р. 38]. При этом авторы не предлагают универсального набора ценностей, которые стопроцентно гарантировали бы развитие сообщества безопасности: все очень индивидуально, однако либерализм и демократия являются лучшей основой для сообщества безопасности, так как именно эти ценности способствуют становлению сильного гражданского общества и развитию транснациональной культуры. В контексте сообщества безопасности государства перед лицом общих угроз создают коллективную идентичность для борьбы с врагом, который идентифицирован всем сообществом в качестве такового, что, в свою очередь, помогает преодолеть дилемму безопасности. Рассматривая сообщества безопасности в качестве постоянно идущего эволюционного процесса, авторы представляют региональную динамику с описанием восьми кейсов, включая развивающиеся страны.

Изначально исходя из достаточно противоположных оснований, позитивизм и конструктивизм тем не менее сближаются в некоторых положениях по вопросам безопасности, которая понималась и анализировалась в узких евроцентристских категориях. Так, общим для многих теорий служит положение о том, что глобальная геополитика в значительной степени является уделом великих держав из-за их «продвинутой» политической системы, военного потенциала и способности вмешиваться и трансформировать глобальную политику. При этом геополитические реалии прослеживаются исключительно в конфликтах межгосударственного характера.

Однако данные подходы не соответствовали историческим реалиям и распространению внутренних конфликтов во многих странах Юга. К тому же комплексный анализ безопасности глобального Юга невозможен без понимания исторического опыта и социальных особенностей постколониальных обществ. Постколониальный мир нельзя трактовать как однородную категорию, ему присущи неравенство

и разделение между западным и незападным обществами. В этом смысле применение подходов к анализу безопасности в незападном мире в духе традиционных для Запада теорий явно не вписывалось в повестку развивающегося мира. Для понимания незападных конфликтов нужна онтология, основанная на эмпирической реальности постколониального «другого» (post-colonial other) [23, p. 1].

В известном смысле исследовательские недочеты в объяснении повестки глобального Юга был призван исправить неомарксизм, в центре внимания которого оказались проблемы неравенства, поляризации и несимметричности взаимозависимости, что предопределило наибольшую степень релевантности теории в отношении развивающегося мира (см., напр.: [36–38]). Анализ мир-систем И. Валлерстайна был важен с точки зрения исторической концептуализации отношений эксплуатации по оси «центр–полупериферия–периферия». Теория зависимости А. Франка исходит из колониальной эксплуатации Юга, которая является первопричиной «зависимой отсталости». Слабость развития периферии объясняется неомарксистами тем фактом, что после обретения колониальными странами независимости они не смогли переориентироваться на собственное развитие и остаются под гнетом Севера. Сказываются неравенство экономических обменов и неравномерность развития, что напрямую порождает проблемы международной безопасности.

Постмарксистские взгляды отражены в работах К. Бута и Р. Джонса, представителей Уэльской школы (или Школы Аберистуита) (см., напр.: [39; 40]). Под влиянием неомарксистской диалектики, гегемонии А. Грамши и в целом Франкфуртской школы в ее широком понимании они сформулировали теорию эмансипации (emancipatory theory), согласно которой безопасность, будучи неоспоримой категорией, связана с реальными социальными условиями и потребностями человека. Речь идет не просто о физическом выживании людей, но об освобождении их от всего, что мешает строить жизнь по собственному усмотрению, — не только от войны и военной угрозы, но от угнетения, бедности, малограмотности, болезней, экологических проблем. Таким образом, безопасность может быть осмысленно понята только в контексте социальной трансформации и эмансипации [39, p. 328]. К. Бут утверждает, что безопасность должна рассматриваться как средство, а эмансипация — как цель. Теория эмансипации указывает на ошибочность суждения о том, что можно реально ощущать состояние и чувство безопасности в условиях доминирования реалистских категорий. Неотвратимость сформулированной школой реализма дилеммы безопасности демонстрирует все изъяны и недостатки преобладающей сегодня теории безопасности (главным образом в американской версии реализма). Теория эмансипации, не предлагая никаких конкретных и готовых решений, ограничивается критическим отношением к действующим концептам и порядкам. По задумке своих создателей, она призвана освободить людей от ложного представления о безопасности и поддержать альтернативные концепции с целью продвижения к мировой безопасности (см., напр.: [40]), которая должна будет основываться на космополитичной демократии.

В контексте непосредственно постколониального дискурса часто цитируются взгляды Э. Саида, изложенные им в работе 1978 г. «Ориентализм» [41], которая много и беспощадно критиковалась за «ненаучный» подход авторитетными учеными, также не избежавшими обвинений в предвзятости и политической ангажированности.

Спустя некоторое время после деколонизации Э. Саид сконцентрировался на анализе взаимосвязи колониализма и научных исследований по истории Востока, выступив с жесткой критикой Запада, который, по его мнению, использовал упрощенные расовые стереотипы и искаженные образы для восприятия, понимания и интерпретации Востока. Сам термин «ориентализм», будучи искусственно сконструированным образом Востока и неким мифом в сознании западного человека, стал ключевым понятием постколониальных исследований. В его основе заложены установки западного сознания, которые не в состоянии раскрыть суть региона. Культура описывалась как инструмент власти, контроля и подчинения «угнетенных», идентичность которых признавалась навязанной. Особая опасность заключается в предвзятом восприятии европейским менталитетом Востока как угрозы западному общественному порядку и культуре. Пафос работы, ставшей классической, состоит в попытке автора вернуть «угнетенным» право на субъектность, что заставило его инициировать антиколониальный дискурс в попытке доказать ангажированность позиции Запада по отношению к Востоку. В изданной в 2001 г. статье «Столкновение невежества» Э. Саид обрушился с критикой на «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона. В статье утверждалось, что использование дихотомических ярлыков — «Запад» и «ислам» — «вводит в заблуждение и сбивает с толку в попытках осмыслить беспорядочную реальность» [42, p. 11], тезис про столкновение цивилизаций — это трюк наподобие «войны миров», который скорее используется «для укрепления оборонительного самодушия, чем для критического понимания обескураживающей взаимозависимости нашего времени» [42, p. 14].

В контексте критической рефлексии утверждается, что содержательная нагрузка безопасности, а также определение источников небезопасности и угроз формируются и воспроизводятся гегемонистскими интересами. Отношения в треугольнике «безопасность–власть–гегемония» отчетливо проявились в постбиполярную эпоху в условиях доминирования глобальных интересов США. Представители постколониального подхода охотно цитировали американского публициста Н. Хомского, который неожиданно для всех объявил несостоявшимся государством непосредственно сами Соединенные Штаты Америки, мотивируя это тем, что они обладают характерными для этого чертами — сильным «дефицитом демократии», несоответствием внутригосударственного и международного права, а также принятием политики, все больше угрожающей своим гражданам и всему миру [43, p. 3].

Критики постколониальной теории обращают внимание на чрезмерную защищенность колониальных теоретиков на проблемах сознания, дискурса, идентичности и культуры, что сужает возможности для анализа социально-экономической и геополитической повестки по оси «Север — Юг» и разработки соответствующих стратегий по преобразованию мира [44, p. 120]. Безусловно, критический подход Э. Саида, Н. Хомского и др. к анализу постколониальной истории и глобальной безопасности обнажает сложные отношения между западными державами и постколониальными обществами, но при этом воспроизводит дихотомию в духе Хантингтона — Запад и «другой», хотя и с опорой на разные аналитические подходы. В случае постколониальной теории усиливается тезис о маргинализации «другого» и восприятии многих незападных обществ в качестве объектов воздействия, а не субъектов взаимодействия. В этом смысле анализ постколониальной безопасности требует выхода за рамки упрощенной дихотомии в направлении формирования

всеобъемлющего и многоуровневого подхода с учетом интересов и приоритетов различных акторов, как внутригосударственных, так и международных.

Конфликты и незападный мир

Эпоха колониализма не могла не искоренить в большинстве незападных обществ прежние обычаи и практики. В официальной риторике и общественном сознании укоренились новые категории Вестфальской модели мироустройства — государственный суверенитет, национализм и многие другие. Как следствие, незападный мир столкнулся с противоборством двух трендов, на фоне которых здесь разворачивалась большая часть конфликтов. С одной стороны, традиционное наследие цивилизации и культуры, которое исторически выступало объединяющим началом, а с другой — бурное распространение, а в некоторых случаях и навязывание современных концептов Вестфальского мироустройства.

Несмотря на то что большинство конфликтов биполярности приходилось на периферию мировой системы (Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная и Южная Азия, Центральная и Южная Америка), в основном это были гражданские войны, которые не рассматривались в контексте международной безопасности. Нестабильность коренилась в слабых государственных структурах, возникших в результате деколонизации, в которых отсутствовала тесная связь между территориальными измерениями государства и его этническим и социальным составом. Кроме того, причиной небезопасности всегда служили нехватка ресурсов, перенаселенность, слаборазвитость и деградация окружающей среды [27, р. 4]. К. Томас объясняет отсутствие безопасности относительной слабостью, недостатком автономии, уязвимостью и недостаточной маневренностью третьего мира на экономическом, политическом и военном уровнях [45, р. 4].

Факт окончания холодной войны не оказал в равной степени влияния на стабильность периферийных стран, для которых наступил сложный и крайне болезненный период транзита к новому состоянию безопасности. Конфликты на территории развивающегося мира перестали восприниматься как периферийные или носящие локальный характер. Во многих регионах, например в странах Африки к югу от Сахары, усилились внутренние беспорядки и их дестабилизирующий эффект стал прямой угрозой международному миру и безопасности. Однако в некоторых регионах, например в Юго-Восточной Азии, наступил период стабильности и регионального порядка. На фоне резкого снижения количества особо интенсивных войн ежегодно до 1994 г. происходило кратковременное увеличение числа вооруженных конфликтов. В дальнейшем их число неуклонно уменьшалось, достигнув в 2007 г. самой низкой отметки. Однако с 2010 г. началась обратная тенденция, при которой число конфликтов неумолимо приближалось к показателям начала 1990-х годов. Так, по данным СИПРИ, в 2012 г. общее количество активных конфликтов составило 33, в 2014 — 41, в 2015 — 50 (столько же, сколько было на момент завершения холодной войны) [46, с. 3, 212], в 2016 — 49 [47, с. 26]. В 2017 г. конфликты происходили по меньшей мере в 22 странах, отличительной особенностью большинства из них стало участие негосударственных акторов [48, с. 29]. Динамика географического распределения активных вооруженных конфликтов остается более или менее стабильной, все они характерны для развивающихся стран. Так,

в 2017 г. конфликты протекали на территории следующих регионов и стран: Африка южнее Сахары (7): ЦАР, ДРК, Эфиопия, Мали, Нигерия, Сомали, Южный Судан; Ближний Восток и Северная Африка (8): Египет, Ирак, Израиль и Палестина, Ливия, Сирия, Турция, Йемен; Азия и Океания (5): Афганистан, Индия, Мьянма, Пакистан, Филиппины; Европа (2): Украина, Нагорный Карабах [48, с. 29–30]. В 2018 г. общая динамика сохранилась при некотором изменении и увеличении конфликтности в Африке южнее Сахары (11: за счет включения Буркина-Фасо, Камеруна, Нигера и Судана), а также в Азии (7: за счет включения Индонезии и Таиланда) [49, р. 2–3].

Безопасность не-Запада коренным образом отличается от безопасности западных государств, так как большинство угроз в незападных странах исходит не из внешней среды, а изнутри. Таким образом, стратегия безопасности для Юга включает не только защиту границ от внешних угроз, но и в большей степени обеспечение их защиты от внутренних проблем. Общим знаменателем многих конфликтов и катализатором политической нестабильности послужили проблемы социально-экономического характера. Происходящие на территории развивающегося мира конфликты отягощены действием террористических организаций, нищетой, засухой, продовольственными кризисами, голодом и другими проблемами. В их основе множество самых различных факторов, среди которых — наследие колониальной системы, экономическая отсталость и проблемы развития, распад и процесс формирования национальных государств, слабость государственной власти, борьба за политическую власть, милитаризация, фактор идентичности и ценностные установки, ресурсы, действие радикальных джихадистских группировок и пр.

Немаловажным фактором выступает вовлеченность третьих стран с самыми разнообразными интересами — от поддержки повстанцев против центрального правительства (Ливия, Сирия) до помощи центральному правительству в подавлении вооруженной оппозиции (Ирак, Афганистан, Бахрейн). Британские экономисты из Университета Оксфорда П. Кольер и А. Хёффлер, сделав выборку африканских конфликтов, в том числе алмазных войн в Сьерра-Леоне, с 1991 по 2002 г., выявили статистически значимую корреляцию между зависимостью от экспорта сырьевых ресурсов и риском возникновения вооруженного конфликта (см., напр.: [50; 51]). По их мнению, гражданские войны были вызваны скорее ожесточенной борьбой за природные ресурсы, географической разобщенностью и разногласиями этнических и религиозных групп, нежели фактором неравенства и отсутствием демократических принципов. Данный подход впоследствии подвергся критике из-за использования единичных факторов в объяснении причин конфликтности и упрощения слишком сложных постколониальных ситуаций.

При всем разнообразии новых показателей безопасности на периферии мировой системы прослеживается единый тренд — угрозы безопасности развивающегося мира переходят на общесистемный уровень, локальный / региональный конфликтный потенциал приобретает глобальный масштаб, укрепляя тем самым дугу нестабильности. Можно с уверенностью предположить, что в ближайшем будущем угрозы международной стабильности будут проистекать из внутренних конфликтов этнической, религиозной и/или политической природы в нестабильных странах, в которые будут вовлечены не только третьи государства и блоки, но также негосударственные акторы во всем их многообразии — террористические, повстанческие, религиозно-идеологические группировки.

Повестка дня для незападного мира

Повестка дня в области безопасности в контексте незападных теорий международных отношений выглядит несколько иначе. В отличие от традиционного подхода, незападные теории безопасности не концентрируются исключительно на военных вопросах, а наравне с ними исследуют широкий спектр проблем гражданского характера — экономических, политических, социальных, экологических, а также проблематику развития, преодоления бедности и отсталости.

В этом русле с точки зрения исследовательских инициатив был введен новый концепт — связка «безопасность–развитие» (security-development nexus), суть которой сводится к тому, что развитие в долгосрочном плане является основой региональной безопасности, а безопасность способствует развитию. То есть развитие невозможно в условиях конфликта, соответственно комплексное обеспечение мира и безопасности становится непреложным условием для устойчивого развития (см., напр.: [52–56]).

Стремительный рост конфликтности в развивающихся странах после окончания холодной войны способствовал усилению практического использования связки «безопасность–развитие». Безопасность, по сути, становится гарантией развития и прогресса. Проблемы отставания в развитии стали во все большей степени рассматриваться в качестве источника конфликтов в бедных странах. В новые Цели устойчивого развития, принятые в 2015 г., был включен пункт 16 с отсылкой к безопасности: «Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» [57, с. 28].

Международные организации и правительственные структуры ведущих государств при урегулировании конфликтов нового поколения начали интегрировать программы развития в широкий спектр политических мер на стадии постконфликтного урегулирования в отношении растущего количества «несостоявшихся» государств. С конца 1990-х годов связка «безопасность–развитие» превратилась в своего рода политический проект и стала использоваться в качестве способа согласования национальных и международных вмешательств в незападные государства. На фоне популяризации концепта и его закрепления в официальной риторике и политической практике ведущих держав нельзя исключать риск прямого воздействия интервенций в одной сфере на смежные, а также вероятность приоритизации вопросов безопасности в ущерб развитию.

В первом приближении повестка в сфере безопасности глобального Юга близка западному концепту секьюритизации (securitization) Копенгагенской школы (см., напр.: [58; 59]), однако по сути это далеко не так. Концепция секьюритизации сформулировала альтернативный постконструктивистский подход к дискуссии о том, должны ли угрозы пониматься как объективная реальность или, наоборот, они являются отражением субъективного восприятия через проецирование угроз как социального конструкта, сформулированного в речевых дискурсах. Ее смысл состоит в придании тому или иному явлению статуса проблемы безопасности с включением ее в пространство международной безопасности не потому, что оно представляет объективную опасность, а в силу того, что актер определяет его

как экзистенциальную угрозу выживанию какого-либо объекта безопасности. И на этом основании формируется право на применение экстраординарных мер, решений, стратегий в обход общепринятых норм. О. Уейвер отмечает, что зачастую, когда речь идет о безопасности государства, существует угроза лишь правящему режиму, который вынужден преподносить угрозу как нечто, несущее опасность всему государству, чтобы тем самым оправдать применение экстраординарных мер, направленных на обеспечение собственной безопасности (см., напр.: [60]).

Теория секьюритизации была попыткой выйти за рамки военного измерения безопасности, тем не менее она не получила универсального признания. Несмотря на широкую поддержку в европейском академическом сообществе, ее релевантность и применимость для незападных постколониальных государств со сложным наследием весьма ограничены. По замыслу своих создателей, секьюритизация означает, что западные демократии, провозглашая какую-либо проблему «угрозой безопасности», получают моральное оправдание для пренебрежения суверенитетом слабых «постколониальных» государств во имя безопасности их же граждан и могут в этих целях использовать военную силу. То есть, по сути, функция обеспечения безопасности возлагается на более сильные и развитые западные государства, которые навязывают незападному миру свою модель и стратегию безопасности. Данный тезис в качестве ключевой критики озвучивается представителями критических исследований безопасности (*critical security studies*), которые настаивают, что секьюритизация — это консервативный процесс, воспроизводящий существующий либеральный порядок (см., напр.: [61]). При всей своей новизне концепция не приспособлена для использования в отношении безопасности постколониальных обществ, историческая и культурная эволюция которых была сформирована сложными колониальными и постколониальными реалиями. Кроме того, секьюритизация соседствует с проблемой политизации и риском использования необоснованных средств реагирования. Теория подверглась критике со стороны не только представителей критических исследований безопасности, но и самих конструктивистов, что послужило толчком для формирования пост-Копенгагенской школы, основы которой были сформулированы О. Кнудсенем (см., напр.: [62]). Так, по мнению О. Кнудсена, слабость теории секьюритизации предопределена пренебрежением военными аспектами безопасности, возведением собственных страхов или параноидальных политических действий, вызванных страхами индивидов в качестве источника угроз, попыткой отказаться от государства как главного референта безопасности [62, p. 358–360].

«Безопасность личности» и практика интервенционизма

В своем стремлении отойти от устоявшейся позитивистской рефлексии в вопросах безопасности к формулированию более инклюзивного подхода, включающего широкие культурные, идеологические, социальные и экономические проблемы, в 1994 г. в рамках Программы развития ООН (ПРООН) была озвучена концепция «безопасности личности (человека)», изначально инициированная средними и малыми странами (Канадой, Японией, Норвегией). Концепция возникла как ответ на распространение новых вызовов безопасности, которые вышли за пределы государственно-центристской парадигмы национальной безопасности. Впервые

акцент был сделан на присущем людям чувстве отсутствия безопасности и приоритете угроз гражданской безопасности — угроз окружающей среде, безопасности и здоровью [63, с. 175].

Сразу после своего появления интерес к концепции был достаточно высок, и тема стала центральным сюжетом многих программных документов и докладов ООН. Однако интерес и популярность вскоре пошли на убыль на фоне довольно уверенных и обоснованных критических замечаний. Отсутствие единого подхода к пониманию и прочтению концепции и, соответственно, возможности широкой интерпретации в итоге придали неубедительность всей идее, так как концепция, по сути, может относиться к любой потенциальной угрозе и вызову.

Наличие конкурирующих интересов ключевых мировых акторов (в том числе в рядах западной коалиции) также затрудняет достижение консенсуса и легитимности. Сомнительность приверженности «безопасности человека» очевидна не только для стран Юга, но и для ведущих мировых держав, для которых примат «жесткой» безопасности является неотъемлемой частью их политического и идеологического мировоззрения. Например, США вписали отставание в развитии, наряду с другими проблемами «низкой политики», в контекст «глобальной войны с терроризмом». Тем самым они вновь сместили акцент с «человеческой безопасности», т. е. безопасности людей в странах глобального Юга, на национальную безопасность государств глобального Севера — защиту своих граждан от атак террористов — выходцев из развивающихся стран [53, с. 82].

Дискурс по определению приоритетности «узкого» измерения («свобода от страха», *freedom from fear*), предложенного Канадой, или «широкого» измерения («свобода от нужды», *freedom from want*), предложенного Японией, в некотором роде сместил фокус внимания с проблемы властных отношений, значимого вопроса политики незападных обществ. Идеиная конструкция «безопасности человека», в центре которой — защита прав человека, воспринимается как навязывание западных ценностей и формальный предлог для инициирования вмешательств. Так, США оправдывали вторжение в Ирак тем, что страна представляла угрозу международному миру и безопасности, поскольку в военном отношении обладала оружием массового уничтожения (что впоследствии не подтвердилось), а в идеологическом — расшатывала региональный баланс через действие диктаторского режима. Ликвидация режима М. Каддафи и попытка свержения сирийского режима также часто оправдываются через «безопасность человека», которая самым тесным образом перекликается с категориями демократии и свободы.

Реализация концепции «безопасности личности» связана с противоречивыми и спорными практиками, которые вызывают острые разногласия, — военными операциями по гуманитарным соображениям. Начиная с 2000-х годов помимо «гуманитарных интервенций» (Босния и Герцеговина, 1991–1995 гг.; Косово, 1999 г.) западное сообщество практикует военные «вмешательства возмездия» (Афганистан, 2001–2002 гг.) и «превентивные вмешательства» (Ирак, 2003 г.). Помимо этого, крайнюю озабоченность в рядах постколониальных государств вызывает внешнеполитическая доктрина США, получившая название «стратегия смены режимов», суть которой состоит в определении «неблагонадежных» государств (*states of concern*), в отношении которых не исключена опция отстранения действующих правительств, в том числе при помощи вооруженной силы.

На концептуальном уровне западное сообщество предложило новый принцип «ответственности по защите» (*Responsibility to Protect, R2P*), который фактически представляет собой переработанную версию «гуманитарного вмешательства». В его основе лежит идея о том, что суверенитет — это не привилегия, а скорее обязанность, и соответственно каждое государство должно защищать собственный народ от четырех видов массовых жестоких преступлений, а именно: геноцида, преступлений против человечества, военных преступлений и этнических чисток [64, с. 138–139]. В случае, если правительство какого-либо государства неспособно выполнять функции по защите, в том числе гуманитарной, собственного населения, а мирные средства воздействия на него исчерпаны, международное сообщество может «предпринять коллективные действия своевременным и решительным образом». Таким образом, была обоснована правомочность вмешательства в конфликты, вплоть до операций по военно-силовому принуждению, в чрезвычайных ситуациях.

Данная доктрина не приобрела характера международной конвенции или поправки в Устав ООН. Однако сторонники «безопасности личности» активно лоббировали «ответственность по защите» в свете ливийской кампании «Объединенный защитник» (2011), которую оценивали как успешный пример применения принципов R2P. По сути, впервые был создан прецедент «легитимного» гуманитарного вмешательства. В отличие от косовского конфликта, когда военно-воздушная операция НАТО «Союзная сила» (1999) не получила санкции СБ ООН, применение силы в Ливии было им одобрено (этот подход не разделяет Россия, которая воздержалась при голосовании) и было официально направлено на оказание помощи мирному населению. Подобная оценка не получила всесторонней массовой поддержки, так как высказывались мнения, что активное использование риторики в духе «ответственности по защите» служило прикрытию военной операции гуманитарными соображениями, как в случае с Косово. Действия коалиции критиковались и за провал достижения главной цели по защите мирного населения.

Концепция «ответственности по защите» трактуется весьма расширительно и в плане правомерности, характера, масштабов «внешнего воздействия», и по линии ответственности за принятие решений о «коллективных акциях», их содержании и критериях неспособности государства выполнять свои обязательства по защите населения. Дискуссия о том, кто должен брать на себя ответственность за обеспечение личностной безопасности граждан в слабых и/или несостоявшихся государствах, вписана в общий политический дискурс о международном вмешательстве и остается открытой.

На Всемирном саммите 2005 г. почти все страны мира объявили о своей приверженности идее защиты прав человека на их территории, однако далеко не все являются сторонниками «ответственности по защите». В глазах незападного сообщества концепция видится ложным ориентиром и создает возможности для неоправданных вмешательств. Во всех случаях проведенных вмешательств декларация гуманитарных соображений наткнулась на драматические итоги в виде жертв среди мирного населения, которое они призваны защитить.

Заключение

Доминирующие западные теории безопасности сконцентрированы главным образом на изучении западного опыта и моделей, с минимальными попытками проанализировать реалии безопасности развивающихся стран. Незападные теории отличаются расширенным пониманием безопасности с опорой на развитие и учет угроз невоенного характера. Многие новаторские концепции безопасности Запада, связанные с широкой трактовкой безопасности и получившие свое воплощение в целом ряде спорных военных инициатив XX–XXI вв., не разделяются незападным миром. Развивающиеся страны все чаще подвергают сомнению западные инициативы, воспринимая их в качестве прямой угрозы национальному суверенитету. Так, концепция «безопасности личности», политика по продвижению западных ценностей и демократии, принцип «ответственности по защите» в практической плоскости перевоплотились в силовые акции под предлогом защиты прав человека и гуманитарных соображений. Это вызывает резкое противодействие со стороны всего развивающегося мира, а не только авторитарных государств, так как для любого государства первостепенным национальным интересом всегда остается защита государственного суверенитета.

Слабость постколониальных государств, их очевидная неспособность справиться с внутренними беспорядками и обеспечить безопасность населения в своих границах приводят к тому, что эти государства теряют многие функции суверена и становятся объектом политического воздействия ведущих мировых держав. Последние воспринимают вторжение в страны Юга как право и обязанность, обусловленные необходимостью защиты прав человека и продвижения демократии. В этом смысле различные прочтения понятия «безопасность» создают конфликт восприятия и, по мнению многих теоретиков незападного мира, свидетельствуют о попытках Запада в некотором роде инициировать новую колонизацию третьего мира.

Западное понимание безопасности не может претендовать на универсальный характер, впрочем, как и альтернативные критические теории безопасности незападного мира. Безопасность в условиях современной международной системы — крайне подвижная категория. В начале 1990-х годов Б. Бузан сформулировал идею, которая актуальна и для современной повестки: «Безопасность относится к категории “сущностно оспариваемых понятий”, попытки сформулировать скольконибудь точное и строгое определение которого заранее обречены на провал» [59, р. 29].

Запад и не-Запад прикладывают усилия, чтобы говорить на едином политическом языке безопасности. Однако мирорегулирование исключительно «по западным правилам» будет и впредь вызывать отторжение и негативные эмоции незападных обществ. Учитывая вес и значимость «всего остального человечества», в подобных условиях трудно надеяться на рациональный диалог по глобальным проблемам, если разница дискурсов, интересов и амбиций будет слишком противоречивой.

Говорить о формировании «постзападного» мироустройства в категориях полицентризма явно преждевременно. Однако тенденция к децентрализации международной системы и смене моделей глобального лидерства уже заложена в будущий каркас миропорядка. Восходящие державы, которые в предыдущие два десятилетия

тилетия были фактически исключены из процессов мирорегулирования, открыто заявляют о своих интересах и внешнеполитических амбициях. Это не может не породить опасения за свои институциональные позиции у доминирующей коалиции западных государств, которая продолжает консолидироваться под эгидой США. Вероятно, в обозримом будущем мы станем свидетелями новой конфигурации баланса сил: Запад — не-Запад.

Литература

1. Zakaria, F. (2009), *The Post-American World*, New York: W. W. Norton & Company.
2. Fawcett, L. (2005), Regionalism from an Historical Perspective, in Farrell, M., Hettne, B. and Van Langenhove, L. (eds), *The Global Politics of Regionalism*, London: Pluto Press, pp. 21–38.
3. Ионин, Л. Г. (2013), *Восстание меньшинств*, СПб.: Университетская книга.
4. Helman, G. B. and Ratner, S. R. (1992), Saving Failed States, *Foreign Policy*, no. 89, pp. 3–20.
5. Cooper, R. (2002), The New Liberal Imperialism, *The Guardian*, April 7. URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1> (дата обращения: 20.03.2020).
6. Holsti, K. J. (1996), *The State, War, and the State of War*, Cambridge: Cambridge University Press.
7. Cox, R. W. (1981), Social Forces, States and World Orders: beyond International Relations Theory, *Millennium — Journal of International Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 126–155.
8. Кременюк, В. А. (2003), Современный международный конфликт: проблемы управления, *Международные процессы*, № 1, с. 63–73.
9. MacFarlane, N. (1985), The Soviet Conception of Regional Security, *World Politics*, no. 37 (03), pp. 295–316.
10. Nacht, M. (1981), Toward an American Conception of Regional Security, *Daedalus*, no. 110 (01), pp. 1–22.
11. Braveboy-Wagner, J. (1986), *Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues*, New York: Praeger.
12. Krasner, S. (1985), *Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism*, Berkeley: University of California Press.
13. Mortimer, R. (1984), *The Third World Coalition in International Politics*, 2nd ed., Boulder: Westview Press.
14. Rothstein, R. (1977), *The Weak in the World of the Strong: The Developing Countries in the International System*, New York: Columbia University Press.
15. Al-Mashat, A.-M. (1985), *National Security in the Third World*, Boulder: Westview Press.
16. Kolodziej, E. and Harkavy, R. (eds) (1982), *Security Policies of Developing Countries*, Lexington: Lexington Books.
17. Huntington, S. P. (1993), The Clash of Civilizations?, *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 22–49.
18. Калдор, М. (2015), *Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху*, пер. с англ. Апполонов, А. и Дондуковский, М., ред. перевода Смирнов, А. и Софронов, В., М.: Изд-во Института Гайдара.
19. *SIPRI Database*. URL: <https://www.sipri.org/databases> (дата обращения: 20.03.2020).
20. *UPPSALA Conflict Data Program*. URL: <https://ucdp.uu.se/> (дата обращения: 20.03.2020).
21. Azar, E. and Moon, C. (1988), *National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats*, Aldershot: Edward Elgar.
22. Acharya, A. (2011), Norm Subsidiarity and Regional Orders: Sovereignty, Regionalism, and Rule-Making in the Third World, *International Studies Quarterly*, vol. 55, no. 1, pp. 95–123.
23. Chatterjee, S. (2017), Western Theories and the non-Western World: A Search for Relevance, *South Asian Survey*, vol. 21, iss. 1–2, pp. 1–19.
24. Ayoob, M. (1991), The Security Problematique of the Third World, *World Politics*, vol. 43, no. 2, pp. 257–283.
25. Ayoob, M. (1995), *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and the International System*, Boulder: Lynne Rienner.
26. Thomas, R. (2003), What is Third World Security?, *Annual Review of Political Science*, no. 6, pp. 205–232.
27. Acharya, A. (1997), The Periphery as the Core: The Third World and Security Studies, in Keith, K. and Williams, M. (eds), *Critical Security Studies: Concepts and Cases*, London: UCL Press, pp. 299–328.

28. Barkawi, T. and Laffey, M. (2006), The Postcolonial Moment in Security Studies, *Review of International Studies*, vol. 32, no. 2, pp. 329–352.
29. Гоббс, Т. (2001), *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*, М.: Мысль.
30. Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, Addison: Wesley Publishing Company.
31. Mearsheimer, J. J. (2001), *The Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton & Company.
32. Koremenos, B., Lipson, C. and Snidal, D. (2001), The Rational Design of International Institutions, *International Organization*, vol. 55, no. 4, pp. 761–799.
33. Ruggie, J. G. (1998), What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge, *International Organization*, vol. 52, no. 4, pp. 855–885.
34. Wendt, A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
35. Adler, E. and Barnett, M. (1998), Security Communities in Theoretical Perspective, in Adler, E. and Barnett, M. (eds), *Security Communities*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–28.
36. Wallerstein, I. (2004), *World-Systems Analysis*, Durham and London: Duke University Press.
37. Frank, A. G. (1967), *Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil*, New York: Monthly Review Press.
38. Amin, S. (1976), *Unequal Development: an Essay on the Social Formation of Peripheral Capitalism*, New York: Monthly Review Press.
39. Floyd, R. (2007), Towards a Consequentialist Evaluation of Security: Bringing the Copenhagen and Welsh Schools of Security Studies, *British International Studies Association*, vol. 33, no. 1, pp. 327–350.
40. Booth, K. (1997), Security and Self: Reflections of a Fallen Realist, in Krause, K. and Williams, M. (eds), *Critical Security Studies: Concepts and Cases*, London: Routledge, pp. 83–120.
41. Саид, Э. (2006), Ориентализм. Западные концепции Востока, пер. с англ. Говорунов, А. В., СПб.: Русский Мир.
42. Said, E. (2001), The Clash of Ignorance, *The Nation*, vol. 273, no. 2, pp. 11–14.
43. Chomsky, N. (2006), *Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy*, New York: Metropolitan Books.
44. Griffiths, M. (ed.) (2007), *International Relations Theory for the Twenty-First Century*, London and New York: Routledge.
45. Thomas, C. (1987), *In Search of Security: The Third World in International Relations*, Brighton: Harvester Wheatsheaf.
46. Ежегодник СИПРИ 2016 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН (2017), пер. с англ., редкол. Дынкин, А. А., Арбатов, А. Г., Барановский, В. Г. и др., М.: ИМЭМО РАН.
47. Ежегодник СИПРИ 2017 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН (2018), пер. с англ., редкол. Дынкин, А. А., Арбатов, А. Г., Барановский, В. Г. и др., М.: ИМЭМО РАН.
48. Ежегодник СИПРИ 2018 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН (2019), пер. с англ., редкол. Дынкин, А. А., Арбатов, А. Г., Барановский, В. Г. и др., М.: ИМЭМО РАН.
49. *SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security* (2019), Stockholm International Peace Research Institute.
50. Collier, P. and Hoeffler, A. (1998), On the Economic Causes of Civil War, *Oxford Economic Papers*, no. 50, pp. 563–573.
51. Collier, P., Hoeffler, A. and Soderbom, N. (2004), On the Duration of Civil War, *Journal of Peace Research*, no. 41, pp. 253–273.
52. Бартенев, В. И. (2017), Безопасность или развитие, *Современная Европа*, № 6, с. 47–57.
53. Бартенев, В. И. (2015), Связка «безопасность–развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации, *Международные процессы*, т. 13, № 3, с. 78–97.
54. Юдин, Н. В. (2016), Связка «безопасность — развитие»: проблемы теоретического осмысления, *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*, т. 8, № 1, с. 39–71.
55. Denney, L. (2015), Operationalizing the Security-Development Nexus: Security Sector Reform and its Implications, in Jackson, P. (ed.), *Handbook of International Security and Development*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 135–149.
56. Keukeleire, S. and Raube, K. (2013), The Security-Development Nexus and Securitization in the EU's Policies towards Developing Countries, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 26, no. 3, pp. 556–572.

57. Генеральная Ассамблея ООН (2015), *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*, A/Res/70/1. 21.10. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 20.03.2020).
58. Buzan, B., Waever, O. and Wilde, J. de (1998), *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder: Lynne Rienner Publishers.
59. Buzan, B. (1991), *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, Boulder: Lynne Rienner.
60. Waever, O. (1996), European Security Identities, *Journal of Common Market Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 103–132.
61. Aradau, C. (2004), Security and the Democratic Scene: Desecuritization and Emancipation, *Journal of International Relations and Development*, vol. 7, no. 4, pp. 388–413.
62. Knudsen, O. (2001), Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization, *Security Dialogue*, vol. 32, no. 3, pp. 355–368.
63. Худайкулова, А. В. (2010), «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения, *Вестник МГИМО–Университета*, № 6, с. 175–180.
64. Резолюция ГА ООН A/RES/60/1 2005. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/1> (дата обращения: 20.03.2020).

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2020 года
Статья рекомендована к печати 15 июня 2020 года

Контактная информация:

Худайкулова Александра Викторовна — канд. полит. наук, доц.; alexandra_77@mail.ru

Explaining the security of the global South: Western and Non-Western approaches*

A. V. Khudaykulova

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (MGIMO University),
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

For citation: Khudaykulova A. V. Explaining the security of the global South: Western and Non-Western approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 3, pp. 394–417. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.307> (In Russian)

Dominant security theories, being mostly Western by their origin, are concentrated on the Western experience and security models, with minimal attempts to analyze the postcolonial security landscape of the global “South” which heavily affects the security agenda. The predominant part of modern conflicts (with some exceptions) take place precisely in the developing countries of the global South. Western and non-Western approaches to security are distinguished by an expanded (comprehensive) understanding, but in both cases the emphasis is different. Various readings of security create a conflict of perception and, according to many non-Western experts, reflect the Western strategy to initiate a new colonization. At the same time, neither Western understanding nor alternative non-Western critical security theories can claim to be universal. The article describes the dynamics of theoretical approaches to the conceptualization of security, mainly in the context of the dominant Western school of International Relations, demonstrates and explains the marginality of non-Western security issues, and provides an overview of key security issues and threats to the developing world. In addition, relatively new Western concepts of security (humanitarian intervention, human security, responsibility to protect) are being analyzed, which cause strong opposition from the

---

* The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the ANO EISI within the framework of the scientific project no. 19-011-31389 “Traditional and Rising Power Centers: Discussions about Sovereignty and Conflict Management”.

entire developing world and are perceived by non-Western societies as a direct threat. The weakness of the “postcolonial” states, their apparent inability to cope with internal development problems and disorders, and to ensure the safety of the population within their borders, serve as a reason for becoming an object of political influence and interference. At the same time, the West and the non-West are making efforts to speak the same political language of security because of the indivisibility of the current threats. However, the Western practice of world regulation is rejected by the developing world, especially by rising powers. Considering the weight and significance of “the rest of humanity” in such conditions, it is difficult to hope for a rational dialogue on global issues if the discourse, interests, and ambitions of the two poles differ considerably.

Keywords: international security, West, global South, realism, liberalism, constructivism, neo-Marxism, security threats, conflicts, development, world order, securitization, personal security, “security-development” nexus, critical theories, postcolonialism.

References

1. Zakaria, F. (2009), *The Post-American World*, New York: W. W. Norton & Company.
2. Fawcett, L. (2005), Regionalism from an Historical Perspective, in Farrell, M., Hettne, B. and Van Langenhove, L. (eds), *The Global Politics of Regionalism*, London: Pluto Press, pp. 21–38.
3. Ionin, L. G. (2013), *Rise of the minorities*, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian)
4. Helman, G. B. and Ratner, S. R. (1992), Saving Failed States, *Foreign Policy*, no. 89, pp. 3–20.
5. Cooper, R. (2002), The New Liberal Imperialism, *The Guardian*, April 7. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1> (accessed: 20.03.2020).
6. Holsti, K. J. (1996), *The State, War, and the State of War*, Cambridge: Cambridge University Press.
7. Cox, R. W. (1981), Social Forces, States and World Orders: beyond International Relations Theory, *Millennium — Journal of International Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 126–155.
8. Kremenyuk, V. A. (2003), Modern international conflict: problems of management, *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 1, pp. 63–73. (In Russian)
9. MacFaflane, N. (1985), The Soviet Conception of Regional Security, *World Politics*, no. 37 (03), pp. 295–316.
10. Nacht, M. (1981), Toward an American Conception of Regional Security, *Daedalus*, no. 110 (01), pp. 1–22.
11. Braveboy-Wagner, J. (1986), *Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues*, New York: Praeger.
12. Krasner, S. (1985), *Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism*, Berkeley: University of California Press.
13. Mortimer, R. (1984), *The Third World Coalition in International Politics*, 2nd ed., Boulder: Westview Press.
14. Rothstein, R. (1977), *The Weak in the World of the Strong: The Developing Countries in the International System*, New York: Columbia University Press.
15. Al-Mashat, A.-M. (1985), *National Security in the Third World*, Boulder: Westview Press.
16. Kolodziej, E. and Harkavy, R. (eds) (1982), *Security Policies of Developing Countries*, Lexington: Lexington Books.
17. Huntington, S. P. (1993), The Clash of Civilizations?, *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 22–49.
18. Kaldor, M. (2015), *New and Old Wars. Organized Violence in the Global Era*, transl. from Eng. by Apolonov, A. and Dondukovsky, M., transl. ed. by Smirnov, A. and Sofronov, V., Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ. (In Russian)
19. *SIPRI Database*. Available at: <https://www.sipri.org/databases> (accessed: 20.03.2020).
20. *UPPSALA Conflict Data Program*. Available at: <https://ucdp.uu.se/> (accessed: 20.03.2020).
21. Azar, E. and Moon, C. (1988), *National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats*, Aldershot: Edward Elgar.
22. Acharya, A. (2011), Norm Subsidiarity and Regional Orders: Sovereignty, Regionalism, and Rule-Making in the Third World, *International Studies Quarterly*, vol. 55, no. 1, pp. 95–123.
23. Chatterjee, S. (2017), Western Theories and the non-Western World: A Search for Relevance, *South Asian Survey*, vol. 21, iss. 1–2, pp. 1–19.

24. Ayoob, M. (1991), The Security Problematique of the Third World, *World Politics*, vol. 43, no. 2, pp. 257–283.
25. Ayoob, M. (1995), *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and the International System*, Boulder: Lynne Rienner.
26. Thomas, R. (2003), What is Third World Security?, *Annual Review of Political Science*, no. 6, pp. 205–232.
27. Acharya, A. (1997), The Periphery as the Core: The Third World and Security Studies, in Keith, K. and Williams, M. (eds), *Critical Security Studies: Concepts and Cases*, London: UCL Press, pp. 299–328.
28. Barkawi, T. and Laffey, M. (2006), The Postcolonial Moment in Security Studies, *Review of International Studies*, vol. 32, no. 2, pp. 329–352.
29. Hobbes, T. (2001), *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil*, rus. ed., Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
30. Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, Addison-Wesley Publishing Company.
31. Mearsheimer, J. J. (2001), *The Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton & Company.
32. Koremenos, B., Lipson, C. and Snidal, D. (2001), The Rational Design of International Institutions, *International Organization*, vol. 55, no. 4, pp. 761–799.
33. Ruggie, J. G. (1998), What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge, *International Organization*, vol. 52, no. 4, pp. 855–885.
34. Wendt, A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge University Press.
35. Adler, E. and Barnett, M. (1998), Security Communities in Theoretical Perspective, in Adler, E. and Barnett, M. (eds), *Security Communities*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–28.
36. Wallerstein, I. (2004), *World-Systems Analysis*, Durham and London: Duke University Press.
37. Frank, A. G. (1967), *Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil*, New York: Monthly Review Press.
38. Amin, S. (1976), *Unequal Development: an Essay on the Social Formation of Peripheral Capitalism*, New York: Monthly Review Press.
39. Floyd, R. (2007), Towards a Consequentialist Evaluation of Security: Bringing the Copenhagen and Welsh Schools of Security Studies, *British International Studies Association*, vol. 33, no. 1, pp. 327–350.
40. Booth, K. (1997), Security and Self: Reflections of a Fallen Realist, in Krause, K. and Williams, M. (eds), *Critical Security Studies: Concepts and Cases*, London: Routledge, pp. 83–120.
41. Said, E. (2006), *Orientalism. Western concepts of the East*, transl. by Govoruno, A. V., St. Petersburg: Russkii Mir Publ. (In Russian)
42. Said, E. (2001), The Clash of Ignorance, *The Nation*, vol. 273, no. 2, pp. 11–14.
43. Chomsky, N. (2006), *Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy*, New York: Metropolitan Books.
44. Griffiths, M. (ed.) (2007), *International Relations Theory for the Twenty-First Century*, London and New York: Routledge.
45. Thomas, C. (1987), *In Search of Security: The Third World in International Relations*, Brighton: Harvester Wheatsheaf.
46. SIPRI Yearbook 2016 “Armaments, Disarmament and International Security” with the Special Application of IMEMO RAN (2017), rus. ed., Dynkin, A. A., Arbatov, A. G., Baranovsky, V. G. et al. (eds), Moscow: IMEMO RAN Publ. (In Russian)
47. SIPRI Yearbook 2017 “Armaments, Disarmament and International Security” with the Special Application of IMEMO RAN (2018) rus. ed., Dynkin, A. A., Arbatov, A. G., Baranovsky, V. G. et al. (eds), Moscow: IMEMO RAN Publ. (In Russian)
48. SIPRI Yearbook 2018 “Armaments, Disarmament and International Security” with the Special Application of IMEMO RAN (2019) rus. ed., Dynkin, A. A., Arbatov, A. G., Baranovsky, V. G. et al. (eds), Moscow: IMEMO RAN Publ. (In Russian)
49. SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security (2019), Stockholm International Peace Research Institute.
50. Collier, P. and Hoeffler, A. (1998), On the Economic Causes of Civil War, *Oxford Economic Papers*, no. 50, pp. 563–573.
51. Collier, P., Hoeffler, A. and Soderbom, N. (2004), On the Duration of Civil War, *Journal of Peace Research*, no. 41, pp. 253–273.
52. Bartenev, V. I. (2017), Security or Development, *Sovremennaiia Evropa*, no. 6, pp. 47–57. (In Russian)
53. Bartenev, V. I. (2015), The linkage “Security-Development” in Modern Western Studies: from Deconstruction to Conceptualization, *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 13, no. 3, pp. 78–97. (In Russian)

54. Yudin, N. V. (2016), The Linkage “Security — Development”: Problems of Theoretical Understanding, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, vol. 8, no. 1, pp. 39–71. (In Russian)
55. Denney, L. (2015), Operationalizing the Security-Development Nexus: Security Sector Reform and its Implications, in Jackson, P. (ed.), *Handbook of International Security and Development*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 135–149.
56. Keukeleire, S. and Raube, K. (2013), The Security-Development Nexus and Securitization in the EU’s Policies towards Developing Countries, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 26, no. 3, pp. 556–572.
57. United Nations, General Assembly (2015), *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*, October 25, A/Res/70/1. Available at: <https://undocs.org/A/RES/70/1> (accessed: 20.03.2020).
58. Buzan, B., Waever, O. and Wilde, J. de (1998), *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder: Lynne Rienner Publishers.
59. Buzan, B. (1991), *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, Boulder: Lynne Rienner.
60. Waever, O. (1996), European Security Identities, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 103–132.
61. Aradau, C. (2004), Security and the Democratic Scene: Desecuritization and Emancipation, *Journal of International Relations and Development*, vol. 7, no. 4, pp. 388–413.
62. Knudsen, O. (2001), Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization, *Security Dialogue*, vol. 32, no. 3, pp. 355–368.
63. Khudaykulova, A. V. (2010), “Personal Security”: Concept, Political Discourse and Practical Application Possibilities, *Vestnik MGIMO Universiteta*, no. 6, pp. 175–180. (In Russian)
64. *UNGA Resolution A/RES/60/1 2005*. Available at: <https://undocs.org/en/A/RES/60/1> (accessed: 20.03.2020).

Received: April 11, 2020

Accepted: June 15, 2020

Author’s information:

Alexandra V. Khudaykulova — PhD in Political Sciences, Associate Professor; alexandra_77@mail.ru